

кой мере и каким темпом. Не отрицаем и того, что найти на практике «золотое сечение» между капитализмом и социализмом вопрос исключительной трудности.

Из сказанного явствует, что ни к капитализму, ни к социализму мы не можем занять положения исчерпывающей враждебности, потому что и тут, и там видим по половине правды. Отрицание марксизма и его живой иллюстрации — кремлевских захребетников, вытекает из другого — из того, что человеческая личность сведена там к роли мишени для револьверного выстрела.

Понимание идеи свободы, как первоприсутствующей, позволяет нам наше «нео» присоединить к тамоу старому политическому направлению, где эта идея тоже на первом плане, — к демократии и мы надеемся, что наши рассуждения не носят кабинетного, доктринерского характера: из России со времени кронштадского восстания, то отчетливее, то придушеннее слышатся лозунги бьющие в одну и ту же точку — «свободные советы», «советская демократия», «трудовая», «рабоче-крестьянская».... Так или иначе, они идут по линии охвата двух моментов — **свободы и советизма**, понимая под этим последним хозяйственное регулирование государства. Этим мыслям и этим настроениям — поможем!

Н. Былов.

Новый класс или новый народ спасет мир?

(Мы воспроизводим в переработанном и восполненном виде это свое выступление на собраниях «Дней», в виду существенного программно-идеологического значения для концепции журнала развитых в нем положений. Автор).

Бывают такие утверждения, которые можно опровергнуть, лишь объяснив их. Такого рода утверждением является, повидимому, представление, что никакого — **органического** — кризиса современной культуры нет, а есть лишь некоторый

преходящий, так сказать, кон'юнктурно-исторический кризис. Об'яснение очевидно, состоит в том, что понятие нормального, т. е. некризисного, условно: — оно определяется понятием обычного. Наша же культурно-духовная жизнь в самой основе своей патологична. Патологизм существования упадочной культуры стал явлением **обычным** и тем самым, как бы нормальным. Естественно, когда кажется, что никакого, именно **органического кризиса** нет. Мы сами воплощаем в себе эту смертельную патологическую «норму» упадочной культуры. Человек современного общества в самом существе своем упадочник, декадент, в духовно-культурном смысле слова, дегенерат. Но насколько человек мнителен, когда дело касается его болезней физических, индивидуальных, настолько он беспечен и самоуверен, когда речь идет о болезнях социальных. Свой облик культурного выроodka, пошляка, материалистически идиотизированного сознания современный представитель капиталистической цивилизации не только не сочтет за культурный декаданс, но, наоборот, возведет его в норму, даже в образец человеческого совершенства, будучи убежден, что рассматривание мира из за своего торгашеского прилавка это и есть единственно возможная, «реальная», как он бы сказал, точка зрения на мир.

Кроме того, в этом трагическом неведении о происходящем медленном погружении корабля современной культуры повинно и то, что мы слишком близко стоим к происходящему и потому не видим его. Современники падения античного мира не видели этого падения, ибо слишком близко стояли к нему. А между тем аналогия между этими двумя критическими, катастрофическими эпохами доходит до зловещей полноты и подробностей.

Я здесь коснусь одной из сторон этой аналогии.

На закате античного мира человечество на угрозу надвинувшейся культурной смерти ответило тем, что вызвало к жизни новую организующую идею — Христианство и призвало на историческую арену новые народы, которые в отношении к тогдашней культуре были, конечно, варварами, как варварами, «скифами», по слову Блока, являемся мы русские в отношении к современной культуре. Чем же собирается ответить или от-

вечает теперешнее человечество на надвинувшуюся над ним угрозу культурной смерти? Пока что на исторической сцене имеются лишь два собирательных направления, которые сознают органический всемирно-исторический кризис нашей культуры и выступают с развернутой системой указаний на то, как по новому организовать жизнь. Я имею в виду социализм со всеми его оттенками — гильдейского социализма, христианского, просто религиозного, социалдемократического и т. п. — с одной стороны, и тот новый комплекс послевоенных течений, который не получил еще своего объединяющего имени и выступает в разных странах под названиями фашизма, национал-социализма и т. п. — с другой. Я проведу здесь некоторую параллель, чтобы сделать потом один крайне существенный вывод, имеющий отношение к докладу А. Ф. Керенского.

Помимо прочих очень существенных отличий этих двух групп течений есть одно, которое можно считать решающим, конститутивным. Оно сводится в общем к ответу на вопрос: кто — **новый класс, или новый народ** — спасет мир, явится новой организующей силой, осуществит образец новой, высшей жизни? Таким образом, это отличие сводится к утверждению **классового, или народнического, национального** (не националистического), **мессианизма**. Эта параллель мною связывается, конечно, с представленным здесь докладом, ибо доклад этот все же делал социалист, хотя, далеко не всегда это был доклад социалистический. — Потому несоциалистический, что повидимому социалист А. Ф. Керенский выше своего социализма, подобно вообще людям слева, про которых можно бы сказать, что они выше того, что говорят, *)), как, к нашему несчастью на нашем, так называемом, пореволюционном фронте люди сплошь

*) Как на особенно выразительный пример этого можно было бы сослаться на Е. Д. Кускову, под именем «реализма» (квази-реализма), сеющую буржуазно-материалистическое мракобесие и упадочничество, (см. «Послед. Новости» ном. 3901). Эта попытка отнять последнее и великое, что осталось у нашей теперешней несчастной молодежи — ее вера в Россию — попытка с негодными средствами: — голос истории для нас, звучит убедительнее, чем голос ничему не научившихся, и, увы! все забывших (когда то и Е. Д. была «футуристкой»), публицистов.

и рядом ниже того, что они говорят. Надо сказать громко это — мы должны учиться самих себя ругать.

Но проводя обозначенную параллель, необходимо сейчас же сделать одну решительную оговорку. Тот факт, что национал-социализм в Германии выродился в Гитлеровщину, в своего рода идеологизированное хулиганство, а фашизм в Италии — в какую то революцию без революционных целей, или в революцию с реакционными целями, а попросту, в контрреволюцию — объясняется тремя причинами, которых нет в наших русских условиях, что дает основания надеяться что наш народнический (национальный), мессианизм не выродится в такого рода лже-мессианизм, как это на Западе случилось с фашизмом и национал-социализмом.

Первая причина заключается в том, что народы Запада не пережили и потому не изжили негативной стороны современной переходной критической эпохи, стороны, осуществившейся у нас в большевизме. Поэтому в названных двух течениях, являющихся порождением этой критической, катастрофической эпохи, так много негативных элементов. Мы в лице большевистской негативной стадии революции пережили и изжили эту отрицательную сторону наступившей критической эпохи, а потому надо думать, что наши пореволюционные течения аналогичного направления будут свободны от такого рода негативных элементов.

Вторая причина: западно-европейскому народническому национальному мессианизму (лже-мессианизму) — я беру это название здесь в широком и условном его значении — приходится танцевать от демократической печки. И естественно, что, отрицая настоящее во имя будущего, он по понятной последовательности отрицает и политическую форму этого настоящего. Нам приходится наоборот, танцевать от диктаториальной печки, от реальных условий небывалого подавления свободы. А это о свободе можно было бы сказать, что ею, подобно здоровьем, начинают дорожить тогда, когда потеряют ее. Таким образом, и в этом чрезвычайно существенном моменте наш народнический мессианизм должен будет бороться, исходя из совершенно других позиций.

И, наконец, третья причина — в плане культурно-историческом — состоит в том, что рассматриваемые нами течения здесь на Западе выступают от имени уже упавших, исторически исчерпавших себя народов, обращенных поэтому в своем национальном пафосе к прошлому, а не к будущему. Понятно поэтому, почему названные течения так легко оборачиваются простой, обыкновенной реакцией. История русского народа в этих страшных событиях не только не кончилась, вопреки мнению его врагов и неразумных «друзей», а по настоящему лишь началась, поэтому всякие такого рода течения у нас должны быть по преимуществу обращены в будущее, а не в прошлое.

Благодаря этим трем причинам наш народнический мессианизм не только не обязательно должен, но и не может походить на своих западно-европейских родственников.

Но говоря о мессианизме, мы при этом решительно отгораживаемся от так называемого **церковнического «мессианизма»** евразийцев и их всякого рода попутчиков. Этот церковнический «мессианизм», помимо всего прочего, есть прежде всего грубое недомыслие. И не только потому, что идея этого «мессианизма» реализована уже две тысячи лет тому назад. — Если русский народ своей особой возможной исторической значительностью обязан православию, то тогда почему в этой исторической значительности мы отказываемся от румынам, грекам, болгарам? У них ведь тоже есть это православие. Но самое главное в том, что современный великий кризис человечества на последней духовно-культурной глубине своей и есть кризис христианства, являющегося душой, **первоидеей** западно-европейской цивилизации. **И мы верим, что русский народ, выступающий носителем новой, некоей восточно-европейской цивилизации, тем самым явится творцом и носителем и новой души этой цивилизации — новой религии, как высшей идеи, первопринципа ее.** Говоря о мессианизме, я имею в виду строй **новых, высших форм жизни, образцов** которых призван осуществить в силу своих великих творческих потенций русский народ, тех новых, высших форм:

жизни, которые в негативе намечены уже в Революции — февральской, как политической, и октябрьской, как социальной.

Противопоставляя народнический мессианизм классовому, материалистически-социалистическому, я бы считал бессмысленным говорить о том, что последний в своем развитии закончился, завершился. Но что он обанкротился в своей **марксистско-материалистической** трактовке — это не подлежит сомнению. И главная причина этой неудачи заключается в том, что он не новый народ, а новый класс возвел в носителя, в субъекта новых, высших форм жизни. Класс — эта основная категория материалистически-классового «мессианизма» — не есть творческая категория в широком культурно-историческом смысле и даже не производственная категория в специальном хозяйственном смысле. Класс — категория распределения по преимуществу. И действительно, главное в чем себя заявляет современный пролетариат — этот материалистически-социалистический «мессия», есть прежде всего борьба за свои права, за максимальное участие в общественном потреблении. Пресловутое «классовое самосознание» выражается не столько в сознании своих социальных обязанностей, сколько — своих прав, не столько в своем историческом призвании, сколько в своем общественно-экономическом утверждении. Современный западный рабочий такой же безнадежный мещанин, как и его близнец-антагонист буржуа. Можно сказать, что современный рабочий это буржуа без собственности. Он по существу борется не за новую культуру, а за перераспределение ценностей старой культуры. Бессмысленно ждать от этого мечтателя о равномерно распределенной буржуазности нового Слова, образца новой высшей жизни, типа нового, высшего человека.

В противоположность классу, нация, народ по самому существу своему — творческая категория, категория культурно-историческая, а не социально-экономическая, как класс. И все культуры и религии: китайская, египетская, греко-римская, еврейская, совр. з.-европейская и т. д., создавали не классы, а народы. И человечество на закате античного мира спас от культурной смерти не тогдашний пролетариат, который подобно современным рабочим, думающим лишь о максимуме заработной пла-

ты и минимуме рабочего дня, жил лишь одним требованием «хлеба и зрелищ», а новый народ, — «варвары». Точно также и современное человечество от нависшей над ним угрозы культурной смерти спасет не новый класс, а новый народ, по странному совпадению вновь выходящий с Востока.

Таким образом, среди всеобщей растерянности и бездорожья, паники одних и распоясанности всех низших инстинктов жадности, наживы, себялюбия других на исторической сцене остаются лишь две силы, знающие подлинные размеры того, что происходит, и уверенно глядящие в лицо будущему, в лицо тому, что произойдет.

Тем более в России, где в огне революции сгорели все элементы прошлого, остается почва лишь для этих двух групп течений, утверждающих исторически неотразимую необходимость по новому организовать жизнь. Тем самым, поскольку торжествующий в сегодняшней России рабочий «мессианизм», осуществив единственно доступную ему роль **могильщика старого мира**, обнаружил всю свою несостоятельность, что касается **творчества нового мира**, и поскольку для этой творческой, положительной роли, должен придти в **некоторой исторической перспективе** подлинный народнический мессианизм, смену существующего строя в России новым порядком можно определять в понятиях **Национальной Революции**. Но пусть не радуются этому те, кто под видом Национальной Революции хотят осуществить попросту национальную контрреволюцию — политическую или церковническую. Никого они своей демагогией в России не обманут теперь, кроме самих себя, говорю самих себя, потому что, не сознавая того, они работают на нас, на новые, вышедшие из революции поколения; на тех, кто в этих лозунгах национальной революции поставит все точки над «и», кто линии революционных выводов доведет до их логического конца: — в большие критические моменты истории побеждают наиболее последовательные, — на тех, у кого нет ничего в прошлом для того, чтоб можно было по нем жалеть и следовательно, пытаться его реставрировать. Мы — рожденные революцией новые поколения, мы, вышедшие из земли: — у нас, как ни у кого

потребность в Небе. Но Небо мы создадим новое, другое, Небо достойное Новой Земли. Все бывшие до нас пореволюционные Течения утверждали Новую Землю, но **Небо у них оставалось старое, а следовательно, старой оставалась и Земля.** Мы действительно утверждаем Новую Землю и Новое Небо и в этом нам могут сказать, что мы не правы, но не скажут, что мы не последовательны и неискренни.

В противоположность **всем другим** пореволюц. течениям, **противоестественно** идущим на пореволюц. позиции **справа** (от контрреволюции — к пореволюционности — нонсенс), мы на эти позиции идем **естественным** путем — **слева.**

Но тут я должен сделать вторую решительную оговорку. Выше я намеренно подчеркнул, говоря о необходимой смене современного русского классового мессианизма будущим народническим мессианизмом, что это неизбежно в некоторой исторической перспективе. Такова необходимая последовательность в порядке т. ск. **геометрической** линии истории, но не в порядке ее арифметической **конкретной** линии. В порядке последовательности этой последней после ухода большевиков к власти придем не мы, — люди новой, из революции выходящей Третьей России, а люди Первой, «старорежимной», или Второй — «новорежимной» России. Нам, людям Третьей России, принадлежит не после-большевистское **завтра**, а историческое **после-завтра.** Выполнив в большевизме одну — негативную сторону работы, история должна будет после этого сделать передышку, антракт, прежде чем приступить к положительной, творческой стороне этой работы. И для этого переходного, т. ск., переключательного момента она к власти призовет людей исторической традиции — левой, или правой. Мы люди новой, из революции выходящей Третьей России, и в этом отношении должны быть реалистами, чтоб не ставить себе неосуществимых задач, чтоб не растрчивать попусту силы. Как некогда с.-д., мы должны будем предварительно пройти сравнительно длительный период программно - идеологической и организационной подготовки. Иначе, идеология преждевременно вынесенная на улицу, будет дискредитирована. Идеи должны достигнуть зрелости, при которой они сильнее людей, чтоб не быть скомпрометированны-

мы толпой, или случайными проходимцами, что наблюдается уже теперь здесь в эмиграции. Это не значит, что на этот период мы должны уйти от жизни, — в этот период мы будем влиять, на нее, будучи в «оппозиции» — наиболее могучий способ управлять жизнью, когда движение исполнено живого исторического духа. Чтоб не насиловать волю народную, утверждая **незыблемость** ценности Свободы, мы должны будем эту волю **пересоздать, возвысить**. А для этого лучше быть на положении «оппозиции», говорящей о том, что **должно быть**, чем на положении несущих ответственность за то, что есть. Всячески изгоняя из своей среды людей с психологией политических рвачей, мы должны предостерегать себя от тех опасных успехов, которые грозят сейчас срывом национал-социал. движению в Германии. Преждевременный успех — смерть для движения, внутренне не подготовленного, чтоб производительно реализовать этот успех.

П. Баранецкий.

Мессианиззм и национальная проблема

Современный кризис есть прежде всего, культурно-исторический кризис, обозначающий грань миров заканчивающейся и новой, начинающейся культуры. Именно поэтому мы, люди пореволюционных исканий, углубляем нашу направляющую проблематику до основ ее историософских постановок. Наша революция в этом смысле является завершением определенного всемирно-исторического цикла развития. И наш пафос новых высших форм жизни тем самым становится и требованием железной необходимости, — совпадением должного и сущаго. В этом совпадении и состоит существо, сила и значительность пореволюционных позиций. В противоположность всякого рода упадочникам, выпавшим из животворящего ритма истории и живущих лишь тем, что можно бы назвать торможением исторического процесса, мы наоборот, — исполнены бодрости общественно-политического делания и веры в творящую и